

Из истории русского языка

«Растѣкашется мыслию по древу»

Владимир Иванович МАКСИМОВ, Общество исследователей Древней Руси при ИМЛИ РАН
(Россия, Москва), vladimir_maksimov44@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170019845-8

АННОТАЦИЯ: В статье рассматривается знаменитое высказывание автора «Слова о полку Игореве», характеризующее творческую манеру древнерусского барда Бояна — «растѣкашется мыслию по древу». Предложено толкование «мысли» как другого названия омелы — растения, паразитирующего на деревьях разного вида. Это название представлено в ряде европейских языков — английское *mistle(toe)*, немецкое *Mistel*, шведское *mistel* и фонетически практически совпадает с русским словом *мысль*. В древние времена у германцев, галлов, кельтов омела являлась культовым растением, ей приписывались особенные защитные и целебные свойства, а дерево, на котором росла омела, считалось священным. У славян омела была символом плодородия, жизни и бессмертия. Особенно почитался поросший омелой дуб. Возможно, именно он и обозначен в «Слове» как «мыслено древо». Не исключено, что автор «Слова» обыграл фонетическое совпадение двух слов, обозначающих разные, но в чем-то подобные понятия — человеческую мысль, охватывающую время и пространство, и необычное растение, распространяющееся по дереву. Высказанное предположение позволяет сохранить тройственное сравнение творчества Бояна, перевести его в реальное пространство — омела, волк, орел — и не прибегать к представлению о воображаемом «мысленном дереве».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: «Слово о полку Игореве», Боян, мысль, мыслено древо, омела

для цитирования: Максимов В. И. «Растѣкашется мыслию по древу» // Русская речь. 2022. № 2. С. 72–95. DOI: 10.31857/S013161170019845-8.

From the History of the Russian Language

“Rastekashetsya Mysliyu po Drevu”

Vladimir I. Maksimov, Society of Researchers of Ancient Russia at the Institute of World Literature
(Russian Academy of Sciences) (Russia, Moscow), vladimir_maksimov44@mail.ru

---

ABSTRACT: The article examines the famous statement of the author of “Slovo o Polku Igoreve” (“The Tale of Igor’s Campaign”), which characterizes the creative manner of the Old Russian bard Boyan — “he will spread his thoughts on the tree”. The interpretation of “thought” as another name for mistletoe — a plant that parasitizes trees of different types — is proposed. This name is represented in a number of European languages — English mistle(toe), German Mistel, Swedish mistel and phonetically almost coincides with the Russian word *thought*. In ancient times mistletoe was a cult plant of the Germans, Gauls, Celts, it was attributed special protective and healing properties, and the tree on which the mistletoe grew was considered sacred. Among the Slavs mistletoe was a symbol of fertility, life and immortality. The mistletoe-covered oak was especially revered. It is suggested that the tree mentioned in the “Slovo” and named a “the thought tree” is an oak tree covered with omela. It is possible that the author of the “Slovo” played the phonetic resemblance of two words that denote different, but somewhat similar concepts — a human thought that encompasses time and space, and an unusual plant that spreads on the tree. This assumption allows us to preserve the threefold comparison of Boyan’s work, to translate it into real space — mistletoe, wolf, eagle — and not to resort to the idea of an imaginary “thought tree”.

KEYWORDS: “The Tale of Igor’s Campaign”, Boyan, thought, mistletoe, tree

FOR CITATION: Maksimov V. I. “Rastekashetsya Mysliyu po Drevu”. Russian Speech = Russkaya Rech’. 2022. No. 2. Pp. 72–95. DOI: 10.31857/S013161170019845-8.

Не слишком лестная характеристика, данная автором «Слова о полку Игореве» творчеству своего предшественника Бояна, — «растѣкашется *мыслию* по древу» — самое знаменитое «темное» место памятника. Эта формула известна нам со школьной скамьи — так говорят о человеке, витиевато и неконкретно излагающем свое мнение по какому-либо вопросу. И, хотя изначальный ее смысл неясен, при каждом удобном случае, оценивая говорящего, люди заученно повторяют: «растекается мыслию по древу» (именно в настоящем времени, которое так похоже на имперфект, древнерусскую форму прошедшего времени), хотя не все помнят продолжение — «серым волком по земле, сизым орлом под облаками».

Почему характеристика не слишком лестная? Потому что автор обещает излагать историю Игорева похода «по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню», и тем самым отказывается от стиля и манеры изложения, свойственных Бояну, который, если пел кому величальную песнь, начинал издали — вспоминал «первых времен усобицы». И здесь вполне уместным представляется сравнение со строками из «Науки поэзии» Горация:

«Он для Троянской войны не вспомнит про Ледины яйца;
Сразу он к делу спешит, бросая нас в гущу событий...»

(Перевод М. Гаспарова).

Гораций ставит в пример поэтам Гомера, который в «Илиаде» сразу начинает излагать текущие события. Так и автор «Слова», характеризуя творчество Бояна, критически отозвался о присущей Бояну манере повествования «ab ovo» (от яйца) и отметил излишнюю широкоохватность Бояновых песен, сравнив процесс их создания с некоторыми, безусловно известными слушателям, явлениями живой природы:

«Боянь бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется
мыслию по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ
подъ облакы».

Первой в этой триаде однородных сравнений оказалась таинственная «мысль». А после рассказа о намерении Игоря идти в поход, в непосредственном воззвании автора к Бояну — «О Бояне, соловию стараго времени! Абы ты сиа плѣкы ущекоталь, скача славию по мыслену древу» — к ней добавилось не менее таинственное «мысленое древо».

Первые издатели перевели «растѣкашется *мыслию* по древу» довольно «темно» — «носился мыслию по деревьямъ». Понимали ли они «мысль» как некоего реального зверька вроде белки-летяги или куницы или как мысль

человеческую, неясно — комментариив к этому месту они не оставили, и современники понимали «мысль» в значении творческой фантазии, воображения [Виноградова 1971: 82]. При этом дерево издатели однозначно считали реальным, что следует из подмены его в переводе множественным «по деревьям» и подтверждается переводом другого выражения с упоминанием мысли и дерева: «скача славлю по мыслену древу» — «скача соловьемъ мысленно по древу». Для глагола «растѣкашется» они выбрали значение «носился», соответствующий стремительному, но, скорее, беспорядочному движению, видимо, из-за того же сравнения Бояна с соловьем, скачущим по «мыслену древу». Похожий перевод этих мест, но соответствующий более спокойному перемещению, — «расстилался мыслию по древу», «скача соловьемъ мысленно по древу» — представлен и у неизвестного автора (1790-е годы), видевшего черновик перевода первых издателей [СПИ 1967: 98, 99]. Но хотя глаголы с корнем «течь», как в «Слове» — «которыи дотечаше [догонял, настигал. — В. М.], та предиди песнь пояше», так и в наше время (например, бел. уцякаць, укр. втикати — убежать, бежать от кого, чего) могут характеризовать быстрое движение, мы привыкли к образу Бояна, отвлекавшегося в ходе своего повествования от основного сюжета. Значение глагола **растѣкатися** — *разливаться* в Словаре Срезневского представлено с опорой именно на эту фразу из «Слова» [Срезневский 1912: 94]. Такое же значение глагола встречаем у В. В. Капниста и В. А. Жуковского. Другое значение — «разбежаться» привела В. П. Адрианова-Перетц [Адрианова-Перетц 1966: 28]: «Сынове же Израилеви всюду растекъшеса, ратныя исекоша». Но и в том и другом случае характерно распространение вширь, в разные стороны¹.

В том, что мысль невещественна, нет ничего удивительного, но позже, кроме мысли, в некоторых переводах перестало быть реальным и дерево: у В. В. Капниста — «растекался по мысленну древу», «скача соловьем по мысленному древу» (1809–1813), у В. А. Жуковского — «растекался мыслию по древу», но «скача соловьем по мысленну древу» (1817–1819).

Однако не всех исследователей «Слова» устраивала абстрактная мысль, носящаяся по мнимому мысленному дереву. Многие обращали внимание на то, что, судя по структуре фразы, в процессе песнопения творческий взор Бояна, широко охватывая пространство, простирается подобно тому, как некое неизвестное существо по древу, как волк по земле, как орел под облаками: «не зверок ли, не птичка ли какая, ибо тут видимая постепенность сравнений — облака, земля, дерево — орел, волк — мысль?» (Н. А. Полевой, 1833) [ЭСПИ 1995: 79], «по аналогии с серым волком и сизым

¹ Другие примеры употребления глаголов движения с приставкой *рас-* (*раз-*) в «Слове»: «и, рассущая стрелами по полю, помчаша красныя дѣвки Половецкыя», «мое веселие по ковылию развезя».

орлом тут должен быть какой-нибудь зверок» (Н. П. Корелкин² со ссылкой на мнение Н. А. Полевого и А. С. Пушкина, 1854) [ЭСПИ 1995: 293]. Такого же мнения придерживался Е. В. Барсов: «Художественный смысл рѣчи подсказывает, что подъ *мыслию* здѣсь скрывается какой-нибудь звѣрокъ, способный растекаться по дереву, как волкъ по землѣ или орель под облаками» [Барсов 1887: 128]. Позже (1889), видимо, как компромисс между реальностью и абстракцией, он предположил в этом месте гаплографию — пропуск после слова «мыслию» похожего на него «мысию» (от «мышь», в некоторых северных говорах означающего белку).

В итоге под реальным зверьком, который мог «растекаться» по реальному дереву, стали понимать мышь-белку³, а запись *мыслию* — считать результатом ошибки переписчика. Так возникла белка разных видов в переводах А. Н. Майкова (векша) и К. Д. Бальмонта, И. А. Новикова (мысль летяга-векша), А. К. Югова (мысль-белка). Белку-мышь приняли А. А. Косоруков, А. М. Домнин (но оба признавали мифическое дерево), О. Н. Трубачев (но считал «мысленное дерево» ошибкой), И. И. Шкляревский.

Тем не менее при понимании «мысли» как некоего зверька или добавления пропущенного слова с его названием главную трудность представляет согласование «мысли, растекавшейся по дереву», и самого «мысленного древа», которую первые издатели попытались преодолеть, переведя исходное «скача славлю по мыслену дереву» с некоторым отклонением от древнерусского текста — «скача соловьемъ мысленно по дереву»⁴. Из-за этого же не принимал ни «мышь»-белку, ни, тем более, «мышь»-мышь Д. С. Лихачев: «...никак нельзя согласиться, что “мыслену” надо исправлять на “мысию”⁵ [? — В. М.] и дерево, следовательно, считать реальным. “Мышь”, т. е. “мышь”, выпадает из обычных ассоциаций “Слова” со звериным миром. Творчество Бояна может быть сравнено с полетом орла, сокола, пением соловья и полетом лебедей, но не со скоком мышей (тем более, что сказать о мыши, что она “скачет”, вообще невозможно)» [Лихачев 1998: 56]. Добавим, однако, что реальность «мыслена

² Он же предложил мышь как псковское название белки, которое позже вошло в Словарь В. И. Даля.

³ Другие варианты: рысь (Корш), горноста́й (Андриевский), соня (Шарлемань), лесная мышь (Егоров), соловей (Деларю, Набоков, Виноградова).

⁴ Сравнительное «скача соловьемъ», т. е. «скача, как соловей» выглядит гораздо лучше, чем возникающий вследствие звательного падежа «славлю» образ самого Бояна, «скачущего по мысленному дереву». Само «славлю» могло возникнуть как результат ошибочного считывания на каком-то этапе. Так, если слово оказывалось в конце строки и немного не хватало места, окончание зачастую заменялось неопределенной «завитушкой». Такое написание можно видеть, например, в Екатерининской копии «Слова».

⁵ Здесь, видимо, имеет место смешение древнерусского текста «по мыслену дереву», где такое исправление невозможно, с переводом «мысленно по дереву».

древа» не зависит от того, считать ли «мысль»-«мысь» мышью или белкой: если «мысль» реальна, то реальным должно быть и «мыслено древо», так же как реально небо орла и земля волка. И кем бы ни была эта «мысль», необходим ответ еще на один вопрос: почему Боян скачет соловьем по «чужому» дереву?

В связи с трудностью толкования рассматриваемого места А. С. Демин, в частности, отметил: «В древнерусской литературе XI–XIII вв. не обнаруживается ни одного примера, который помог бы считать характеристику пения Бояна в “Слове о полку Игореве” реально-пространственным художественным образом» [Демин 1988: 57].

Выход из положения многие видели в представлении о мыслях Бояна, непосредственно распространяющихся по воображаемому «мысленному древу», как символическом изображении творческого процесса. Так понимали Д. С. Лихачев, Л. А. Дмитриев, О. В. Творогов, Н. А. Мещерский, Л. Н. Гумилев. Так переводили Г. П. Шторм, С. В. Шервинский, В. И. Стеллецкий, Н. А. Заболоцкий. Характерно, что представление о свободном движении абстрактной мысли подкреплено ее упоминанием в других местах «Слова» — «ни мыслию смыслити» в плаче русских жен, «не мыслию ти прилетети» в обращении киевского князя Святослава к Всеволоду Большое Гнездо, «храбрая мысль носит вашъ умъ на дело» в обращении Святослава к Роману и Мстиславу, «Игорь мыслию поля мерить» перед побегом из плена.

Однако при таком толковании число сравнений в исходной фразе, несмотря на стремление сохранить все три — «Боян... растекался мыслию по дереву, серым волком по земле, сизым орлом под облаками» (объяснительный перевод Д. С. Лихачева) — фактически сокращается до двух, что видно из сопроводительного текста к этому переводу — «витийственно стелющегося мыслию по дереву воображения» (а это уже не сравнение!) [Лихачев 1985: 51], и еще более отчетливо — в представленных во многих изданиях переводах Н. И. Рыленкова («мысль, как серый волк в степи, бежала, поднималась к облакам орлом...», 1966) и А. Г. Степанова («по мысленному древу раскинется: серым волком по земле, сизым орлом под облаком», 1967), где волк и орел тождественны мысли. Это относится и к образу песенных «гуслей-мыслей», предлагавшихся Н. В. Шарлеманем (со ссылкой на М. Г. Халанского) для объяснения поведения Бояна, растекавшегося мыслию по древу — играя на гуслях, он разбежался по ним мыслию [Шарлемань 1958: 41–42]. Этот эффект при символическом толковании мысли отметил А. С. Демин: «“Древо” в данном отрывке не похоже на реалию, скорее это символ, притом не совсем понятный нам. Тройственная структура реально-пространственной характеристики того, как пел Боян, оказывается подорванной» [Демин 1988: 54].

Как еще одна альтернатива реальному пониманию образов, характеризующих творчество Бояна, возникло мифологическое толкование, в основе которого лежит восходящее к европейским мифам представление о мифическом мировом древе, видимо, являющееся экстраполяцией некоторых реальных священных деревьев, зафиксированных в исторических хрониках. Так, сохранились сведения о священном дубе бога германцев Водана (Бодана), стоявшем в Гессене, который в годы правления Пипина Короткого (VIII в.) срубил архиепископ франков Бонифаций, чтобы показать бессилие языческих богов [Бадак и др. 1996: 324]. «В Германии в ходе завоеваний Карла Великого франки сожгли священную рощу саксов и стоявшую в ней главную святыню — огромный ствол Ирменсуль [Бадак и др. 1996: 328].⁶ Какие-то отголоски похожих древних преданий зафиксировал Адам Мицкевич в поэме «Пан Тадеуш» (1834):

«А как Баублис дуб? В стволе его зияло
огромное дупло; сходилось в нем, бывало,
двенадцать рыцарей на пиршестве веселом.
< ... >

Дуб, старый говорун, разросся в поднебесье,
Нашептывал певцу сказания не раз он!»,

сам же написавший в комментарии: «В Росенском уезде [Россиенский уезд Виленской губернии. — В. М.], в имени Пашкевича, земского секретаря, рос дуб, прозванный Баублис, некогда, в языческие времена, считавшийся священным. В дупле этого исполина Пашкевич устроил кабинет литовских древностей». Хотя нельзя исключить, особенно в связи последними строками, что этот стих своим происхождением обязан не только истории короля Артура, но и «Слову о полку Игореве».

К сожалению, в работе Д. М. Шарыпкина, рассматривающей в качестве аналогов поэзии Бояна образцы скандинавской поэзии и мифологии, предложено толкование весьма общего характера без прямого перевода отрывка, лишь с указанием, что «здесь “мысль” аналогична мифологической “мыси” [белке. — В. М.] и в смысловой функции, и в фонетическом звучании. Читая выражение “растѣкашется мыслию по древу”, следует помнить, что по мысли (воображаемому) древу в поэтическом представлении скальдов бежит воображаемая “мысль» [Шарыпкин 1976: 19]. При этом, однако, не ясно, заменяет ли белка-«мысль» при таком понимании «мысль» или, как в версии Барсова, дополняет ее. Кроме того, это

⁶ «Видукинд в “Истории саксов” (10 в.) соотносит с культовым столпом саксов И<рминсуль> (по-видимому, культовый аналог Иггдрасиля, мирового древа скандинавской мифологии) божество германской мифологии И<рмина>» [Токарев (гл. ред.) 1980: 464].

толкование не объясняет, почему по «мыслену древу» скачет не белка-«мысль», а соловей.

История вопроса и практически современное его состояние достаточно подробно изложены в Энциклопедии «Слова о полку Игореве» в статьях **Мысль** и **Древо**.

В первой статье ее автор, изложив разные исторические предположения о «мысли», пишет: «Скорее всего, в авторском тексте читалось все же слово “мысль”. Об этом говорит прием параллелизма, использованный в рассматриваемом фрагменте, свидетельствующий о том, что наряду с волком и орлом здесь упомянут зверек или птичка, так же прочно связанный в нашем сознании с деревом, как орел с небом, волк — с землей. Таким зверьком и является белка. Особенно убедительным выглядит в данном фрагменте чтение “мысль” в значении “белка”, если учесть, что здесь упомянуто не простое дерево, а “мировое древо”, отражающее космологические представления язычников» [Соколова 1995а: 295].

Во второй статье она связывает изложенное с «мысленным деревом»: «Древо», упомянутое во втором фрагменте (“О Бояне...!”), охарактеризовано эпитетом “мысленное”. В связи с этим исключалась материальная трактовка этого Древа (тем не менее такая попытка была предпринята Ф. Е. Коршем). “Мысленное древо” толковали как мифологическое (И. Н. Жданов видел в нем родословное Древо, символизирующее смену и вместе с тем связь человеческих поколений, а Гаспаров — Древо познания), так и как метафорический поэтический образ: «дерево мыслей, мышления» (Веселовский, Айналов) или «дерево поэзии, древо песен» (Ржиги)⁷ [Соколова 1995б: 140].

Статья завершается выводом в пользу мистико-мифологического толкования древа, хотя за мысленными ипостасями Бояна сохраняются их предметные образы: «Представляется, что наиболее удачным следует считать толкование Древа во фразе “растёкшется мыслию по древу” как мифического мирового Древа, впервые предложенное Майковым и развитое Д. М. Шарыпкиным и Е. Л. Мороз. В скандинавской мифологии, например, повествуется о космическом Древе — ясене Иггдрасиль, на вершине которого сидит орел, у корней находится дракон Нидхег, а по стволу бегают белки — медиатор между верхом и низом. Боян, таким образом, растекается по мировому Древу в образе зооморфных представителей трех космических зон: орла, волка, белки (мыси), т. е. становится всеобъемлющим, всеведущим. Здесь автор Слова отразил, по мнению исследователей, языческое представление о поэтическом

⁷ Подробнее толкования упомянутых выше и других исследователей приведены в работе В. Л. Виноградовой [Виноградова 1988: 141, 142].

творчестве как о волхвовании, сопровождающемся мистич<ескими> превращениями» [Соколова 1995б: 140].

Мистические толкования этой фразы «Слова» перешли и в справочные издания более широкого назначения. Так, в энциклопедии «Мифы народов мира» в статье БОЯН (авторы статьи — В. В. Иванов, В. Н. Топоров) говорится: «в восточнославянской мифологии эпический поэт-певец. Известен по “Слову о полку Игореве” (имя Б<оян> встречается также в надписях Софии Киевской и в новгородском летописце): “Боян бо вещей, аще кому хотяше песнь творити, то растекашется мыслию по древу, серым вълком по земли, шизым орлом под облакы”. В песнях Б<ояна>, таким образом, сказалась шаманская традиция, связанная с представлением о мировом дереве» [Токарев (гл. ред.) 1980: 153]. Практически тот же текст приведен в «Мифологическом словаре» [Мелетинский (гл. ред.) 1990: 101].

Довольно долго никто к теме «мысли» не обращался. Но в 1996 г. появилась работа А. Н. Барулина [Барулин 1996], в которой автор, не слишком оригинально определив мысль как форму творческого процесса Бояна, «кстати, рассчитанного на высокий интеллектуальный уровень слушателей песни», сократил число виртуальных ипостасей Бояна до двух. При этом с опорой на фразу «меча бремены чрезъ облакы»⁸, он изменил исторически принятый творительный падеж в сравнении «шизымь орломъ подъ облакы» на идентичный для «облакъ» мужского рода винительный, полагая при этом, что глагол «растекашется» может иметь значение «разгонялся», что создает образ орла, стремительно взмывавшего вверх к облакам вместо традиционно парившего под облаками. В своей следующей работе в результате рассмотрения весьма сложных метафизических представлений о творчестве Бояна (состояние транса, мыслено древо как модель мирового древа знания, мысль как инструмент познания, связывающий внутренний мир Бояна с реальностью) А. Н. Барулин сформулировал результат своего исследования: «Теперь смысл всех слов понятен, можно сделать перевод. “Ведь вещей Боян, когда кому-то хотел сложить песнь, разгонялся мыслию по Древу: серым волком по земле, сизым орлом под облака”» [Барулин 2007: 28]. Не соглашаясь с выводами исследователя в целом, отметим, что изложенный подход позволяет исключить сомнительное совмещение в одном потоке сравнений абстрактной мысли и вполне реальных волка и орла. Но по сути это весьма близко к толкованию Е. В. Барсова — «мыслию мысию» и В. Л. Виноградовой — «мыслию соловьем», только с сокращением объектов, с которыми сравнивается мысль

⁸ К сожалению, это ошибочное написание В. мн. «облаки» (в Ек. копии: «облакы») для существительного «облакъ» мужского рода пропущено в «полном списке таких ошибок» А. А. Зализняка [Зализняк 2008: 135].

Бояна, с трех («мысль», волк, орел) до двух (волк, орел), как это ранее уже было воспроизведено в переводах Н. И. Рыленкова (1966) и А. Г. Степанова (1967).

Последними к настоящему времени работами, затрагивающими эту тему, по-видимому, являются монография А. А. Бурыкина «“Слово о полку Игореве”: текст, язык, автор» [Бурыкин 2017] и книга С. Л. Николаева «“Слово о полку Игореве”. Реконструкция стихотворного текста» [Николаев 2020]. Однако заметных изменений в толкование «мысли» и «мыслена древа» они не внесли.

Бурыкин в комментарии к тексту «Слова» фактически повторил сказанное им и Н. А. Мещерским в последнем издании «Слова» в Библиотеке поэта [СПИ 1985: 442, 445] и, соответственно, отраженное в Энциклопедии «Слова»⁹. Добавлено только: «Новейшие лингвогеографические данные по слову *мысль* в ряду названий белки... ничего не прояснили в рассматриваемом вопросе, кроме документации самой лексемы *мысль* в современных русских говорах... Оригинально предположение В. Г. Складенко, что под “древом” тут имеется материал для письма — дощечки, наподобие тех, что были найдены в Новгороде в 2000 г.» [Бурыкин 2017: 416]¹⁰.

Николаев без подробного рассмотрения вопроса указал в комментариях: «**Мыслию** {мыслию}. Северный диалектизм: рус. псков., урал. *мысль* ‘белка’ (СРНГ, ПОС). Может восходить к *mystľ, ср. лат. *müstela* ‘ласка, горноста́й’ (Фасмер III sub *мысль*)¹¹. В “Слове”, по-видимому, игра словами *мысль* ‘белка’ и *мысль* ‘мысль’: ср. **по мыслену древу**». То есть дословно повторил сказанное в своей более ранней работе: «**Мыслью**. Северный диалектизм: русск. диал. *мысль* ‘белка’ Пск., Урал. [СРНГ, ПОС]. Может восходить к *mystľ, ср. лат. *müstela* ‘ласка, горноста́й’ [Фасмер]. В “Слове”, по-видимому, игра слов: ср. ниже *по мыслену древу* [так. — В. М.]» [Николаев 2014: 525].

Таким образом, автор полагает, что в тексте «Слова» присутствуют два совершенно разных образа: реальная белка и воображаемое мысленное дерево. Однако игра словами, значение одного из которых («мысль» как белка) является узкорегинальным и даже, возможно, профессиональным (у охотников), а другое связано со сложным философским представлением о мироздании или поэзии («мысль» в контексте «мыслена древа»),

⁹ По-видимому, работы А. Н. Барулина остались неизвестными автору монографии.

¹⁰ Версия В. Г. Складенко с дощечками скорее напоминает сомнительную историю Велесовой книги.

¹¹ Предположение о происхождении «мысли-белки» (*мысль* как обозначение быстро движущегося, «летающего» зверька) от *mystľ [Трубачев 1974] затем перешло в [ЭССЯ 1994: 52], однако уже во 2-м издании словаря Фасмера [Фасмер 1987: 25] О. Н. Трубачев, будучи редактором его русского издания, исключил приведенную версию происхождения слова и оставил лишь отсылку к работе [Мавродин 1958] (см. ниже).

представляется довольно странной. Вряд ли такая игра могла быть оценена слушателями и читателями «Слова». Опять же, в тексте *древо* представлено в единственном числе, а белка-летяга характерна своим умением перелетать с одного дерева на другое. Нельзя обойти вниманием и прозаический перевод Николаева (совместно с А. Ю. Черновым¹²), приведенный в книге. Следование авторов толкованию «растекаться» как «бежать» повлекло «Вещий Боян *мчался* белкой по дереву, серым волком по земле, сизым орлом под облаками». Но глагол «растекаться» должен удовлетворять не только образу белки, но и образам волка и орла. И если «мчаться» хоть как-то соответствует рышущему волку, то орел никуда не мчится, он парит, плавает под облаками в поисках добычи.

Тем не менее, несмотря на мнение отдельных исследователей о белке как прообразе реальной «мысли», в итоге практически победившим является символическое толкование с разной степенью абстрагирования, начиная с «мысли» и «древа» (собственно «мысленное древо» современные исследователи считают воображаемым либо мифологическим объектом, расходясь лишь в его верификации¹³) до полного переноса всех объектов, включая волка и орла, из реальности в область мифологии. Правда, без довольно пространственных комментариев зачастую трудно понять, какую именно белку имеют в виду конкретные переводчики, реальную или воображаемую. Кроме того, некоторые толкования предполагают весьма изощренное представление не только автора, но и слушателей «Слова» о мироздании¹⁴.

Но при всех различиях эти толкования, что реалистические, что мистические, сохраняя трехчленное сравнение творчества Бояна, сохраняют явно или неявно и мысль-белку «мысль» либо, переводя «мысль» в категорию умственной деятельности Бояна, приводят к двучленному сравнению.

Что касается «мыси»-белки, то полезно вспомнить возражение В. П. Адриановой-Перетц в связи с упоминанием «мысли» в «Задонщине»: «Исследователями было высказано немало догадок по поводу того, как следует читать и понимать фразу первого издания: “растѣкашеться мыслію по древу”. Наиболее привилась поправка, предложенная Карелкиным, вместо “мыслію” читать “мысію”, т. е. белкой. Задонщина показывает, что по крайней мере в том тексте Слова, который использовал Софония,

¹² А. Ю. Чернов также считает, что «в данном фрагменте текста, если следовать логике образа, ни без “мысли”, ни без “белки” не обойтись» [Чернов 2006: 129].

¹³ Некоторые образы с эпитетом *мысленные* (солнце, светильник, камень, щит, лоза, ковчег) из Миней 1095–1097 гг., указанные В. П. Адриановой-Перетц, в силу их религиозной окраски вряд ли аналогичны «мыслену древу» «Слова» [Адрианова-Перетц 1966: 33].

¹⁴ Отметим, однако, отсутствие каких-либо подтверждений существования на Руси столь сложных мифологических представлений.

читалось "мыслию". Отсюда в списках Задонщины разные варианты образа Слова, слитого притом со следующим ("растѣкашется мыслию по древу, сърымь вълкомъ по земли"): "не поразимся мыслию но землями" (Унд.), "не поразился мысленными землями" (Синод.), "потрезвимься мыслями и землями" (Ист. М. No 2060). Образ Слова остался непонятым автором Задонщины, но, как бы неудачно ни передавали его переписчики, всегда остается след чтения "мыслию", а не "мыслю"» [Адрианова-Перетц 1948: 218, 219].

Кроме того, при любом из рассматриваемых толкований, считающих *мысль* мыслию Бояна, необходим ответ на вопрос: почему мысль употреблена в единственном числе? Мы легко соглашаемся с этим лишь в силу заученности с детства выражения «растекаться мыслию по древу», хотя оно напоминает высказывание известного персонажа из мультфильма про 38 попугаев — «У меня есть мысль, и я ее думаю». В то же время это единственное число как обобщенное выглядит вполне естественно, если под мыслию наравне с орлом и волком скрывается некоторая реальность.

И вот здесь вернемся к высказыванию Лихачева: «Что такое "мысленное древо", пытались толковать в литературе о "Слове" очень многие. Это и древо религиозных представлений, и древо метафорическое. Одним словом, какое-то необыкновенное» [Лихачев 1998: 56].

Но для того, чтобы понять, какое это необыкновенное древо, видимо, нужно сначала выяснить, что же такое «мысль». Поэтому, исходя из трюиственности сравнения и того, что автор «Слова» вряд ли мог совместить в нем абстрактные мысль и древо и предметных волка и орла, попытаемся вернуть «мысль» и «мыслено древо» в реальное пространство. Вернемся к исходным вопросам: кто мог растекаться по реальному древу? может ли древо, которое далее называется «мысленным», быть реальным? Рассмотрим несколько шире, чем обычно, структуру сравнений: *мысль* — по дереву, *зверь* — по земле, *птица* — по небу. Отсюда следует, что *мысль* не может быть ни мышью, ни белкой, ни соней, и вообще, никаким лесным зверьком — это место уже занято волком. Не может она быть и птицей (соловьем) — это место занято орлом. Стало быть, по дереву — не зверь и не птица. Причем эта *мысль* должна быть известной и значимой сущностью, равноценной волку и орлу.

Между тем можно изменить вопрос: *мысль* — не *кто* это, а *что* это? Что, если это — растение, растение особенное, почитаемое, культовое, название которого похоже на слово *мысль*? И такое растение существует. Порусски это растение называется *омела*. И по-древнерусски называлось так же: омела или имела. А вот в западноевропейских языках оно называется по-другому. Так, например, по-английски оно называется mistle(toe)

[misltoʊ], где первая часть сложного слова (первая буква *t* в этом слове — немая¹⁵) фонетически практически совпадает с русским *мысль*. Вторая его часть — *toe*, происходит от староанглийского *tān* (*twig* — веточка), а этимология первой части не ясна [OED 2001–2022]. В старой форме *missel* слово засвидетельствовано в начале XVII в. (1620) в составном названии разновидности дроздов, питающихся ягодами омелы, «*missel thrush*»¹⁶. Эта форма как вариант сохранилась и в современном английском языке. Полагают, что староанглийская форма *missel*, а также старосаксонское и древневерхненемецкое *mistil*, немецкое *Mistel* (*f*), датское и шведское *mistel* происходят от общего протогерманского предка. Отметим, что в словаре Срезневского статье **имела** приведены ее другие названия (лат. *viscus*, греч. *ἰξός* и др.), в том числе *mistel* [Срезневский 1912: 1092, 1093]. Не могла ли эта европейская *missle* оказаться русской «мыслию» Бояна?

Чем же знаменито это растение? Поскольку мы начали изложение гипотезы с опорой на английское слово, приведем описание растения из английского источника:

«Омела — вечнозеленое растение, слабо окрашенное, с толстокожими листьями, которые растут парами. Большинство видов омелы — полупаразиты, растущие на других растениях, называемых хозяевами, но поскольку у омелы есть немного зеленого пигмента, она может производить некоторое количество питательных веществ сама. Наиболее распространенное дерево-хозяин английской омелы — яблоня, но омела также растет на боярышнике, тополе, иве, липе, рябине, клене и — очень редко — на дубе.

Маленькие желтоватые цветы омелы появляются в феврале-марте. Они растут группами по три, мужские — на одном растении и женские — на другом. Белые ягоды, привлекающие птиц, содержат клейкую мякоть, и птица, склевав ягоду, чистит клюв о дерево, оставляя семена в трещинах коры. Те потом пускают в кору корни-присоски. В основном омела питается за счет дерева, на котором растет, и обычно умирает вместе с хозяином.

Существует много поверий и легенд об омеле. Одно из них, что омела приносит счастье, безопасность и благополучие, пока не коснется земли. Поэтому существует обычай вешать омелу в доме под Рождество, когда, полагают, она приносит счастье тем, кто поцелуется под ней»¹⁷ [Children's Britannica 1988–93: 54].

¹⁵ Выпадение звука *t* в сочетаниях *stl* в английском языке типично (ср. *wrestle* [resl] — борьба, *thistle* [θisl] — чертополох, *whistle* [wisl] — свист).

¹⁶ В немецком языке *Mistel drossel* — дрозд-рябинник.

¹⁷ Перевод автора статьи.

Омела занимает важное место в европейской и скандинавской мифологии: «ОМЕЛА, вечнозеленое растение, растущее на ветвях различных деревьев, в различных мифопоэтических традициях выступает как **СИМВОЛ ЖИЗНИ**», «Особую роль в мифологии играет образ дуба, увитого “золотой ветвью” омелы» [Токарев (гл. ред.) 1980: 755, 858]. Еще Плиний Старший в своей «Естественной истории», написанной в первом столетии нашей эры, рассказывает, что дуб почитался британскими жрецами, друидами, как священное дерево, и описывает срезание омелы, выросшей на дубе, золотыми серпами.

Наиболее полным исследованием роли омелы в мифологических верованиях европейцев и скандинавов является книга Дж. Дж. Фрезера «Золотая ветвь». Фрезер считал, что омела и дуб являлись одними из древнейших объектов поклонения всех племен и народов арийского происхождения: «Переходя из Южной Европы в Центральную, мы сталкиваемся с великим богом дуба и грома у варварских народов арийской расы, которые жили в обширных дремучих лесах. Так, у кельтов Галлии друиды считали более всего священной омелу и дуб, на котором она произрастает. Для совершения торжественных служб они выбирали дубовые рощи и ни одного обряда не справляли без дубовых листьев. “Кельты, — пишет греческий автор, — поклоняются Зевсу, а кельтским символом Зевса является высокий дуб”. Кельтские завоеватели, которые поселились в Азии в III веке до нашей эры, видимо, принесли с собой на новую родину культ дуба. В самом сердце Малой Азии галатский сенат собирался в местечке, которое носило типично кельтское название “священная дубовая роща” или “храм из дубового дерева”. Специалисты считают, что само слово “друиды” означает “люди дуба”» [Фрезер 1980: 185].

«В основе представления о том, что в омеле была заключена жизнь дуба, как мы предположили, лежит тот факт, что омела и зимой продолжает зеленеть на лишенном листвы дубе. Кроме того, это растение вырастает не из земли, а из ствола или ветвей дерева. У первобытного человека могла возникнуть мысль, что дух дуба, как и он сам, был кровно заинтересован поместить свою жизнь в сохранный место и для этой цели остановился на омеле, самым своим положением, промежуточным между небом и землей, защищенной от всех опасностей» [Фрезер 1980: 779].

В древние времена из сока ягод омелы приготавливали так называемый птичий клей, использовавшийся для ловли птиц — им намазывали ветки деревьев, и птицы, сев на них, прилипали. Отсюда латинское название *viscus* — «липучка». На Руси охотники, использовавшие этот способ, назывались «имельниками». Использование омелы для ловли птиц отмечено в «Словаре древнерусского языка» И. И. Срезневского — приманка для птиц и у В. И. Даля — птичий клей.

Не исключено, что омела послужила реальным прообразом популярного в христианстве процветшего креста, поскольку вполне могла прорасти на срубленном дереве. На современных изображениях процветшего креста обычно представлена обвивающая крест виноградная лоза с гроздьями ягод, однако растение, изображение которого встречается на древних «висльях»

печатях с процветшим крестом, это вовсе не виноград и очень похоже на омелу: у него удлинённые парные листья и круглые парные ягоды, расположенные в местах ветвления. Таковым, к примеру, является изображение процветшего креста на оборотной стороне вислой печати Ярослава Всеволодовича, который во время похода Игоря был князем Черниговским (это о нем великий князь киевский Святослав говорит: «А уже не вижду власти сильнаго и богатаго и многоволя брата моего Ярослава съ Черниговскими былями, съ Могуты, и съ Татраны, и съ Шельбиры, и съ Топчаки, и съ Ревугы, и съ Олбѣры») (см. электронный Журнал Sammlung/Коллекция. Свидетельство ЭЛ № ФС77-72407). Но, поскольку культ омелы был связан с языческими верованиями, позже ее могли заменить виноградной лозой.

У славян отношение к омеле было скорее прикладным, а не мистическим, она являлась символом плодородия, жизни и бессмертия. Так, энциклопедический словарь «Славянская мифология» связывает омелу с охраной здоровья людей и домашних животных, защитой жилища от молнии, лечением различных болезней, знахарством и поиском кладов [Толстая (отв. ред.) 2002: 151]. Этимологический словарь польского языка также отмечает, что «...это необычное растение играло важную роль в культуре славян (и других народов), где ему приписывалась магическая сила и в связи с этим оказывалось почитание» [Boriś 2005: 212].

Омела распространена в Белоруссии, на Украине, в Средней России, на юге европейской части России и на Северном Кавказе. Цветет в марте-апреле, т. е. расцветание омелы приходилось на начало года во времена мартовского (доюлианского) календаря на Руси; ягоды созревают в августе-сентябре. Основными переносчиками семян омелы являются питающиеся ее ягодами дрозды [Губанов 2003: 42].

Растение имеет несколько названий, в европейских странах наиболее распространенными являются *mistel* (*mistletoe*) и омела (имела). Распространенность названий этого растения выглядит так: в германских языках — *mistel*, в славянских языках — омела (имела). При этом в зоне контакта видим похожее на западное название омелы польское название

охотника *myśliwy* (старопольское *mysliwiec*)¹⁸. Однако, возможно, источником для польского *mysliwiec* послужило *mistel*, и оно, как и древнерусское *имельник*¹⁹, вначале означало птицелова, поскольку охота на небольших птиц в древности была весьма распространенным занятием. Похожее предположение, отталкиваясь от мыси-белки, высказывал в свое время В. В. Мавродин: «Не является ли украинское (как, впрочем, и чешское *myslivec* — «охотник», польское *mysliwiec* — «охотник») «мисливство» — «охота», «охотничий промысел», «мисливец» — «охотник», «мисливський» — «охотничий» и т. п. языковым явлением, аналогичным «белкованию»? Только в языке украинского охотника память о той далекой поре, когда охота на пушного зверя была охотой в первую очередь на «мысь», т. е. на белку (уже хотя бы потому, что дань платили в первую очередь беличьим мехом), отразилась в виде одного названия древнерусской «веверицы» — «мысь», а в языке сибирского охотника в виде другого — «белка»» [Мавродин 1958: 63 (прим. к сноске 4)].

Каким образом западноевропейское название растения могло попасть на Русь и превратиться в *мысль*?

Русь домонгольского периода имела довольно обширные связи с Западом, взаимодействие Руси с Европой начиналось со знаменитого пути из варяг в греки, своего рода древней «кругосветки», а затем с приходом Рюрика с братьями началось смешение славянских и варяжского этносов. Какое-то количество варягов здесь осело, по большей части в Новгороде. Но они распространились и южнее, как следует из истории княжения в Киеве Аскольда и Дира, куда позже пришел Олег. При походе Олега на Константинополь его дружина была варяжской, и в заключенном затем договоре с греками были перечислены поименно подписавшие его дружинники-варяги. У Святослава тоже была варяжская дружина воеводы Свенельда. В летописях отмечено присутствие варягов в Киеве при Владимире (казнь отца и сына христиан-варягов за нежелание признать языческих кумиров), посещение Владимира немцами при выборе религии, участие варяга Якуна Слепого с дружиной на стороне Ярослава Владимировича (Мудрого) в битве с братом Мстиславом при Листвене, приведение Изяслава в Киев поляков для свержения захватившего киевский стол Всеслава, поход Мономаха в Польшу для поддержки зятя Казимира и посещение Киева венграми (уграми). Известны матримониальные связи, династические браки: так, дочь Владимира, Анна, была выдана замуж во Францию, другая, Добронегга, — в Германию, жена Мономаха Гита была

¹⁸ Похожее названия охотника существуют в Чехии и Словакии (украинское *мисливец* — калька старопольского *mysliwiec*).

¹⁹ Термина, подобного *имельник*, в польском языке нет. Его место занял польский *omelnik*-свиристель.

дочерью английского короля Гаральда II. Очевидно, с ними переселялись и какая-то свита и прислуга. Англосаксы проникали и дальше: известно, что во времена Олега Святославича («Гориславича») при дворе византийского императора службу несли гвардейцы-англосаксы, которые могли попасть туда после поражения англичан при Гастингсе в 1066 г. и завоевания Англии норманнами [Гумилев 1997: 89, 102]. На широту европейских контактов домонгольской Руси при анализе текста «Слова» обращал особое внимание Д.С. Лихачев [Лихачев 1998: 9].

Поэтому в результате контактов со шведами, немцами, англичанами в русский язык вполне могло быть занесено западное название омелы. Не исключено, что «английское» *мысль* не смогло удержаться в русском языке на фоне близкого «мысль» и, слившись с ним фонетически, образовало омоним, который просуществовал недолго и затух в ходе борьбы христианства с язычеством. В подтверждение проникновения слова на восточноевропейскую территорию можно указать еще одно свидетельство — название омелы в крымскотатарском языке, входящем в подгруппу кыпчакско-половецких языков, — *месля* (meslâ), далекое, как от татарского, так и от турецкого названия растения, но весьма близкое к *мысль*. Оно же указывает на давнюю утрату в слове звука «т».

На Руси это второе название омелы, видимо, было редким и, в конце концов, было совсем утрачено в результате вытеснения словом *мысль* в его современном понимании. Но некоторые следы этого названия, возможно, еще долго сохранялись в русском языке. Так, в связи с представлением о том, что «двойные листья или ягоды О<мелы> обычно символизируют высшую плодотворную потенцию» [Токарев (гл. ред.) 1980: 756] есть основания полагать, что этот оттенок второго названия омелы в русском языке сохранился в приведенном в Словаре В. И. Даля поварском термине «Мысли, поварск. ядра, ятра животных, идущих в пищу. *Бараньи мысли с подливою*».

На фоне изложенного ясно, что, если догадка О. Н. Трубачева, пытавшегося примирить оба прочтения («мыслию» и «мысию»), о существовании праславянского *mys-tl, означавшего некоего зверька и перешедшего в *mysl*, несколько не помогает толкованию «мыслена древа», древнеанглийская форма с утраченным -t- *missel* (n.) — Old English *mistel* ‘basil, mistletoe’, зафиксированная в 1620 г. в названии дрозда *missel-bird* ‘*missel thrush*’²⁰, ясно указывает на связь птиц с деревьями, на которых растёт омела. Именно птицы разносят омелу по дереву, и это позволяет привести оба выражения — «растекается мыслию по дереву» и «скача, славлю, по мыслену древу» — к «общему знаменателю».

Таким образом, автор, характеризуя поэтическую манеру Бояна, использует сравнение не с белками, муравьями или мышами, а с растением,

²⁰ Online Etymology Dictionary. <https://www.etymonline.com>

имевшим особое значение в культуре многих народов. Да и дерево оказывается, как и предполагал Д. С. Лихачев, необыкновенным. Такая трактовка ничуть не снижает выразительности образа Бояна, который «поэтически творил», по определению Д. С. Лихачева. Боян растекался не мыслями, а волшебными узорами и красками своего повествования, как цветущая омела по дереву. При этом ее положение между землей и небом вполне соответствует принятым толкованиям фразы: волк — внизу на земле, орел — наверху в небе. А чудесная *мысль*-омела — посередине. Немаловажно, что предлагаемое толкование устраняет странное несоответствие между творчеством Бояна и его описанием с употреблением слова *мысль* в единственном числе. Отпадает и вопрос, почему Боян скачет соловьем по чужому дереву: оно ничье, оно само по себе «мысленное», увенчанное омелой. Предлагаемое толкование, в отличие от других, дает возможность рассматривать в едином ключе оба случая употребления — и «мыслию по древу» и собственно «мысленное дерево» как объекты, принадлежащие реальному миру. Положительной стороной предлагаемого понимания является перевод *мысли* в реальное пространство и согласование ее с реальным же *мысленным деревом* как деревом, на котором росла омела (ср. лиственное дерево, хвойное дерево, пыльное) без введения каких-либо изменений в текст «Слова». **Мыслено древо**, по-видимому, дерево, под которым происходило все действие песнопения, дерева особенного, знаменитого. Возможно, это был священный дуб, увитый омелой. Ведь одно из определений плодов омелы в Словаре В. И. Даля — дубовые ягоды. Был ли он единственным, ритуальным, неясно. Скорее всего, название «мыслено древо» относилось к любому дереву, на котором поселялась омела. И Боян уже не скачет соловьем по «чужому» дереву, то ли беличьему, то ли мышиному. Это особенное «мысленное» дерево, потому что на нем растет «мысль» — mistle-омела. Сохраняется исходная тройственная структура сравнения песнопения Бояна с явлениями живой природы. Кроме того, вид дерева, захваченного омелой, вполне соответствует высказыванию «растекшется мыслию»: каждый куст омелы («ведьмино гнездо») на дереве соответствовал отдельному «боковому» сюжету в повествовании Бояна.

Предложенное толкование, в отличие от других, обеспечивает прямой перевод рассмотренных высказываний:

«Боян же вещий, когда хотел кому песню сложить, то растекался
мыслию-омелой по дереву, серым волком по земле, сизым орлом
под облаками»

и

«О Боян, соловей старого времени! Если б ты эти полки воспел,
скача соловьем по увитому омелой дереву...».

Сравнение Бояна как поэта с соловьем восходит в древнейшей традиции (Аристофан) и в «Слове» вполне совместимо с реалиями: «излюбленные места обитания соловья — припойменные и низменные влажные дубравы подзоны хвойно-широколиственных лесов и дубравы европейской лесостепи»²¹.

Несмотря на то, что предлагаемая версия порождает новый гапакс и выходит за рамки лексики русского языка и даже современных славянских языков, она представляется вполне допустимой на фоне уже ранее привлеченных для объяснения *мысли* и *мыслена древа* скандинавских сказаний (В. Ф. Ржига, Д. М. Шарыпкин) и апелляции Н. А. Мещерского к древнему англо-саксонскому эпосу для поддержки идеи о «мысленом древе» как символе инструмента, на котором аккомпанировал себе Боян: «Если древний англо-саксонский поэт мог называть свой музыкальный инструмент “деревом радости”, то не представится для нас странным и то, что его русский современник, автор “Слова о полку Игореве”, характеризуя “замышления Бояна”, именует музыкальный инструмент, игрой на котором сопровождается его вдохновенное, но и полное глубоких мыслей пение, “деревом мысли”» [Мещерский 1958: 46].

При этом образ волшебного растения, распространяющегося по дереву, гораздо более соответствует глаголу «растекаться», чем белка Рататоск, медиатор-посредник, целеустремленно переносящая по дереву сообщения снизу (с земли) наверх (на небо). Орел и волк растекаются в пространстве в поисках добычи, осматривая местность, но не перемещаясь целенаправленно как белка Рататоск из пункта А (низ — земля) в пункт Б (верх — небо) и обратно. Естественным становится использование *мысли* в качестве обобщающего единственного числа наравне с волком и орлом, в то время как это вряд ли можно считать удачным, рассматривая ее как мысль Бояна либо мифическую белку скандинавских сказаний.

Подводя итог, перечислим аргументы в пользу предложенной версии:

- фонетическая близость «мысли» и английского названия омелы *mis[t]le* (Old English — *missel*);
- похожее название омелы («месля») в языке крымских татар, потомков половцев;
- поварской термин «бараньи мысли» как отражение представлений об омеле как символе потенции (парность листьев и ягод омелы) и плодovitости (поверье о свойствах омелы);
- сохранение триединого сравнения творчества Бояна с объектами природы;

²¹ Википедия. Соловей обыкновенный (дата обращения: 07.12.2021).

- согласованность с употреблением «мысли» в единственном числе;
- толкование в едином ключе «мысли» («растекашется мыслию по древу») и «мыслена древа» («скача, славлю, по мыслену древу»);
- возможное присутствие омелы на предметах культуры (в изображениях процветших крестов и на печатях).

В заключение, в связи с тем, что Д. С. Лихачев, отказываясь считать «мыслено древо» реальным, в то же время полагал, что «церковную символику можно усматривать только в образе “мысленного древа”, по которому растекалась мысль Бояна» [Лихачев 1998: 44]²², отметим: предлагаемое объяснение, переводящее «мысль» и «мысленное древо» в разряд реальных объектов, подкрепляет мнение Д. С. Лихачева о светском характере Памятника, что особенно важно на фоне некоторых современных публикаций, предлагающих христианизированное прочтение и толкование «Слова».

Источники

Барсов Е. В. «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. II. М.: М. Катков, 1887, 322 с.

СПИ 1967 — Слово о полку Игореве. Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд. Л.: Советский писатель, Ленинградское отделение, 1967. 540 с.

СПИ 1985 — Слово о полку Игореве. Библиотека поэта. Большая серия. 3-е изд. Л.: Советский писатель, Ленинградское отделение, 1985. 498 с.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. III. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1912. 996 с.

Литература

Адрианова-Перетц В. П. «Задонщина» (Опыт реконструкции авторского текста) // ТОДРЛ. Т. 6. 1948. С. 201–255.

Адрианова-Перетц В. П. Фразеология и лексика «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. Л.: Наука, 1966. С. 13–126.

Бадак А. Н. и др. Всемирная история в 24 т. Т. 7. Раннее Средневековье. Минск: Литература, 1996. 592 с.

---

²² Скорее всего, это мнение Д. С. Лихачева связано с перечисленными в статье В. П. Адриановой-Перетц «мысленными» образами (солнце, светильник, камень, щит и др.) из Минеи 1095–1097 гг. [Адрианова-Перетц 1966: 33].

- Барулин А. Н. Мыслию по древу (Перевод темного места в «Слове о полку Игореве») // Московский лингвистический журнал. Т. 3, 1996. М.: РГГУ. С. 46–69.
- Барулин А. Н. Мыслию по древу (семиотико-лингвистический анализ первого абзаца «Слова о полку Игореве») // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции Диалог-2007 (Бекасово, 30 мая – 3 июня 2007 г.). С. 1–38. [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/1974479/%D0%9C%D1%8B%D1%81%D0%BB%D0%B8%D1%8E_%D0%BF%D0%BE_%D0%B4%D1%80%D0%B5%D0%B2%D1%83_%D1%81%D0%B5%D0%BC%D0%B8%D0%BE%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%BE_%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B3%D0%B2%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7_%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B2%D0%BE%D0%B3%D0%BE_%D0%B0%D0%B1%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B0_%D0%A1%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0_%D0%BE_%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%BA%D1%83_%D0%98%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%B5_RANGED_IN_THOUGHT_OVER_THE_TREE_Linguistic_and_semiotic_analysis_of_the_first_section_of_The_song_of_Igor_s_Campaign_2007_%D0%90%D0%B2%D1%82%D0%BE%D1%80%D1%8B_Alexander_Barulin (дата обращения: 17.11.2021).
- Бурыкин А. А. «Слово о полку Игореве»: текст, язык, автор. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2017. 416 с.
- Виноградова В. Л. «Растекаться мыслью по древу» // Русская речь. 1971. № 1. С. 81–85.
- Виноградова В. Л. К лексико-семантическим параллелям СПИ // «Слово о полку Игореве». Комплексные исследования. М.: Наука, 1988. С. 141–152.
- Губанов И. А., Киселёва К. В., Новиков В. С., Тихомиров В. Н. Иллюстрированный определитель растений Средней России. Т. 2: Покрытосеменные. М.: Т-во научных изданий КМК, 2003. 665 с.
- Гумилев Л. Н. От Руси до России. М.: Институт ДИ-ДИК, 1997. 560 с.
- Зализняк А. А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. 3-е изд., доп. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. 480 с.
- Лихачев Д. С. Избранное. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. 3-е изд., доп. СПб.: Logos, 1998. 528 с.
- Мавродин В. В. Одно замечание по поводу «мыси» или «мысли» в «Слове о полку Игореве». // ТОДРЛ, т. XIV. М. – Л., 1958. С. 61–63.
- Мелетинский Е. М. (гл. ред.). Мифологический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 672 с.
- Мещерский Н. А. К изучению лексики и фразеологии «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. Т. 14, 1958. С. 43–48.
- Николаев С. Л. Лексическая стратификация «Слова о полку Игореве» // Slověne. 2014. № 2. С. 7–109.
- Николаев С. Л. «Слово о полку Игореве». Реконструкция стихотворного текста. М. – СПб.: Нестор-История, 2020. 640 с.
- Соколова Л. В. Древо // Энциклопедия СПИ в 5 т. Т. 2. 1995. С. 138–141.

- Соколова Л. В. Мысль // Энциклопедия СПИ в 5 т. Т. 3. 1995. С. 293–296.
- Токарев С. А. (гл. ред.). Мифы народов мира. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1980. 1147 с.
- Толстая С. М. (отв. ред.). Славянская мифология: энциклопедический словарь / редколлегия: С. М. Толстая (отв. ред.), Т. А. Агапкина, О. В. Белова, Л. Н. Виноградова, В. Я. Петрухин; Ин-т славяноведения РАН. 2-е изд. М.: Междунар. отношения, 2002. 512 с.
- Трубачев О. Н. Еще раз мыслию по древу // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. К 80-летию члена-корреспондента АН СССР С. Г. Бархударова. М.: Наука, 1974. С. 22–27; [то же: Трубачев О. Н. Еще раз мыслию по древу // Этимология. 1973. М.: Наука, 1975. С. 4–5].
- Трубачев О. Н. (ред.). Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Вып. 21. М.: Наука, 1994. 236 с.
- Фрезер Дж. Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии (Frazer J. G. The Golden Bough. London, 1923, пер. с англ. М. К. Рыклина). М.: Политиздат, 1980. 832 с.
- Чернов А. Ю. Слово о полку Игореве. СПб.: Вита Нова, 2006. 360 с.
- Шарлемань Н. В. Заметка к тексту «Растъкашется мыслию по древу» в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. Т. 14. 1958. С. 41–42.
- Шарыпкин Д. М. Боян в «Слове о полку Игореве» и поэзия скальдов // ТОДРЛ. Т. 37. С. 14–22.
- ЭСПи – Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. СПб.: Дмитрий Буланин. Т. 3, 1995. 387 с.
- Children's Britannica. Encyclopædia Britannica, Inc., 1988–1993. Vol. 12. 320 p.
- OED – Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <http://www.etymonline.com> (дата обращения 03.11.2021).

References

- Adrianova-Peretc V. P. ["Zadonshchina" (An experience of reconstructing the author's text)]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proc. of the Old Russian Literature Department]. Vol. 6. 1948, pp. 201–255. (In Russ.)
- Adrianova-Peretc V. P. [Phraseology and vocabulary "The tale of Igor's campaign"]. "*Slovo o polku Igoreve*" I pamyatniki Kulikovskogo tsikla ["The tale of Igor's campaign" and monuments of the Kulikovo cycle]. Leningrad, Nauka Publ., 1966, pp. 13–126. (In Russ.)
- Badak A. N. et al. *Vsemirnaya istoriya v 24 t. T. 7. Rannee Srednevekov'e* [World history in 24 volumes. Vol. 7. Early Middle Ages]. Minsk, Literatura Publ., 1996. 592 p.
- Barulin A. N. [Thinking along the tree (Translation of a dark place in "The Tale of Igor's Campaign")]. *Moskovskii lingvisticheskii zhurnal*. Vol. 3, 1996, pp. 46–69. (In Russ.)
- Barulin A. N. [Thinking along the tree (semiotic-linguistic analysis of the first paragraph "The Tale of Igor's Campaign")]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii*:

- Trudy mezhdunarodnoj konferencii Dialog-2007 (Bekasovo, 30 may – 3 june 2007)* [Computer Linguistics and Intelligent Technologies: Proc. of the International Conference Dialogue-2007 (Bekasovo, May 30 – June 3, 2007)]. Electronic publication: Barulin A. N. barulin@rambler.ru, Alexander_B@abbyy.com ABBYY Software House.
- Burykin A. A. “*Slovo o polku Igoreve*”: tekst, yazyk, avtor [“The Tale of Igor’s Campaign”: text, language, author.]. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2017. 416 p.
- Children’s Britannica*. Encyclopædia Britannica, Inc., 1988–93. Vol. 12. 320 p.
- Frezer J. G. *Zolotaya vetv’* (Frazer J. G. The Golden Bough. London, 1923). Moscow, Politizdat Publ., 1980. 832 p.
- Gubanov I. A., Kisel’ova K. V., Novikov V. S., Tikhomirov V. N. *Illyustrirovannyi opredelitel’ rastenii Srednei Rossii. T. 2: Pokrytosemennye* [Illustrated guide to plants of Central Russia. Vol. 2: Angiosperms]. Moscow, Tovarishestvo Nauchnyh Izdaniy KMK Publ., 2003. 665 p.
- Gumilev L. N. *Ot Rusi do Rossii* [From Rus’ to Russia]. Moscow, Institut DI-DIK Publ., 1997. 560 p.
- Lihachev D. S. *Izbrannoe. “Slovo o polku Igoreve” i kul’tura ego vremeni* [Favorites. “The Tale of Igor’s Campaign” and the culture of his time]. 3rd ed. St. Petersburg: Logos Publ., 1998. 528 p.
- Mavrodin V. V. [One remark about the “mys” or “thought” in the “Tale of Igor’s Campaign”]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proc. of the Old Russian Literature Department]. Vol. XIV. Moscow – Leningrad, 1958, pp. 61–63. (In Russ.)
- Meletinskii E. M. (ed.). *Mifologicheskii slovar’* [Mythological dictionary]. Moscow, Sovetskaya Enciklopediya Publ., 1990. 672 p.
- Meshcherskii N. A. K izucheniyu leksiki i frazeologii “Slova o polku Igoreve” [To the study of vocabulary and phraseology of “Tale of Igor’s Campaign”]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Proc. of the Old Russian Literature Department]. Vol. 14, 1958, pp. 43–48. (In Russ.)
- Nikolaev S. L. [Lexical stratification of “The Tale of Igor’s Campaign”]. *Slověne*, 2014, no. 2, pp. 7–109.
- Nikolaev S. L. “*Slovo o polku Igoreve*”. *Rekonstruktsiya stikhotvornogo teksta* [“The Tale of Igor’s Campaign”. Reconstruction of the poetic text]. Moscow, St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2020. 640 p.
- OED – *Online Etymology Dictionary*. Available at: <http://www.etymonline.com> (accessed 03.11.2021).
- Sharleman’ N. V. [Note to the text “The thought will spread on the tree” in “The Tale of Igor’s Campaign”]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proc. of the Old Russian Literature Department]. Vol. 14, 1958, pp. 41–42. (In Russ.)
- Sharypkin D. M. [Boyan in “The Tale of Igor’s Campaign” and Poetry of Skalds]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proc. of the Old Russian Literature Department]. Vol. 37, pp. 14–22. (In Russ.)
- Sokolova L. V. [Tree (Drevo)]. *Enciklopediya Slova o polku Igoreve* [Encyclopedia of “The tale of Igor’s campaign”]. In 5 vols. Vol. 2, 1995, pp. 138–141. (In Russ.)

- Sokolova L. V. [Thought (Mysl')]. *Enciklopediya Slova o polku Igoreve* [Encyclopedia of "The tale of Igor's campaign"]. In 5 vols. Vol. 3, 1995, pp. 293–296. (In Russ.)
- Tokarev S. A. (ed.). *Mify narodov mira* [Myths of the peoples of the world]. Vol. 1. Moscow, Sovetskaya Enciklopediya Publ., 1980. 1147 p.
- Tolstaya S. M. (resp. ed.). *Slavyanskaya mifologiya: enciklopedicheskij slovar'* [Slavic mythology: encyclopedic dictionary]. Ed. by S. M. Tolstaya, T. A. Agapkina, O. V. Belova, L. N. Vinogradova, V. Ya. Petruhin. 2nd ed. Moscow, Mezhdunarodnye Otnosheniya Publ., 2002. 512 p.
- Trubachev O. N. [Once again thinking along the tree]. *Voprosy istoricheskoi leksikologii i leksikografii vostochnoslavjanskikh jazykov. K 80-letiju chlena-korrespondenta AN SSSR S. G. Barkhudarova* [Issues of historical lexicology and lexicography of East Slavic languages. On the occasion of the 80th anniversary of S. G. Barkhudarov, Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences]. Moscow, Nauka Publ., 1974, pp. 22–27. (In Russ.)
- Trubachev O. N. (ed.). *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh jazykov: Praslavyanskii leksicheskii fond* [Etymological dictionary of Slavic languages: Proto-Slavic lexical fund]. Issue 21. Moscow, Nauka Publ., 1994. 236 p.
- Vinogradova V. L. "Rastekat'sya mysl'ju po drevu" ["Spreading the thought along the tree" ("Rastekat's'a mysl'ju po drevu")]. *Russkaya rech'*, 1971, no. 1, pp. 81–85. (In Russ.)
- Vinogradova V. L. K leksiko-semanticheskim parallelyam Slova o polku Igoreve [To the lexical-semantic parallels of "The tale of Igor's campaign"]. *"Slovo o polku Igoreve". Kompleksnye issledovaniya* ["The tale of Igor's campaign". Comprehensive research]. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 141–152. (In Russ.)
- Zaliznyak A. A. *"Slovo o polku Igoreve": vzglyad lingvista* ["The Tale of Igor's Campaign": a linguist's view]. 3rd ed. Moscow, Rukopisnye Pamyatniki Drevnei Rusi Publ., 2008. 480 p.